

16/11/87

Михаил УЛЬЯНОВ:

Послесловие к фильму

Этот разговор состоялся 17 лет назад, когда сериал «Штрихи к портрету В. И. Ленина», в котором Михаил Ульянов создал образ вождя Великой Октябрьской социалистической революции, готовился к показу на ТВ.

Тогда, давая интервью, актер сопроводил свою визу такими словами: «Уважаемый редактор! У меня к вам настоящая и настойчивая просьба — до выхода картины эту статью не печатать. Получится нескромно».

Зрители в ту пору не увидели этого телесериала. Теперь, когда его премьера прошла с колоссальным успехом, мы сочли себя вправе опубликовать интервью, которое М. Ульянов дал корреспонденту АПН Елене Зонной.

В последнее время у нас появилось большое количество пьес, посвященных В. И. Ленину. Затрагиваются самые различные события жизни вождя революции, показывают Ленина юношей, молодым человеком, зрелым революционером. Некоторые литераторы ошибочно полагают, что важность темы искупит недостаток художественного мастерства. И эта ложная посылка жестоко мстит им. Пишут многие, играют тоже многие. А зритель нередко остается холоден и равнодушен к изображаемому. Зритель не ходит на такие спектакли, не смотрит такие фильмы.

Почему? На мой взгляд, это тот самый случай, когда закон перехода количества в качество перестает действовать. Ибо количество здесь переходит в отсутствие качества. Авторы некоторых пьес и сценариев с легкостью не-

обыкновенной делают из В. И. Ленина эдакого «супермена революции». Архисложная, чудовищно трудная обстановка революционных лет остается, как говорится, «за кадром», зритель видит только результат победы, достигнутой легко и просто.

Мешает и ореол, которым наделяют вождя революции, и легковесный оптимизм, который ему приписывают. Предложение сыграть В. И. Ленина в фильме по сценарию Михаила Шатрова чрезвычайно меня увлекло и испугало. Мне играть Ленина! С моей характерной и довольно узнаваемой внешностью! Только на грим я тратил полтора — два часа. Работа была не только необыкновенно рискованной, но и необычайно трудной.

Знаете, что для меня, актера, важнее всего показать в образе В. И. Ленина? То, что он горел на работе, что

он был одержим революцией. Его мозг перемалывал такое количество фактов, событий, дел, какое под силу только гению. Я, наверное, выскажу парадоксальную мысль, но, по-моему, сыграть гения невозможно — получаются какие-то бледные слепки. Можно показать лишь отдельные черты его характера, отдельные моменты жизни. И не случайно фильм точно назван «Штрихи к портрету».

Судя по некоторым произведениям, можно подумать, что октябрьские дни 17-го года — это какой-то марш-парад. А ведь было совсем не так! Хватало драматических и даже трагических коллизий, были и сомнения, и трудности, и поражения.

В связи с тем, что я сказал выше, мне бы хотелось затронуть еще один вопрос — о соотношении правды жизни и правды искусства. Два эти понятия находятся в прямой зависимости. Художник должен показывать жизнь, как она есть, — не приукрашивая и не очерняя. И то, и другое одинаково губительно для искусства. Надо, чтобы не было лжи ни в ту, ни в другую сторону.

Человек — удивительное создание. Ему необходимо видеть в жизни доброе и прекрасное. Но не как констатацию факта, а как ре-

зультат борьбы. И только как результат борьбы они, эти факторы, действуют на людей и заставляют верить в них. А мы — что скрывать — много говорим о диалектическом показе действительности, но на практике подчас исключаем диалектику из пьес и фильмов. И бываем порой прямолинейны, ну, ей-богу, как топоры: удар, еще удар — и полено в щепки.

Мы много говорим об изучении жизни. Но нередко подменяем это изучением отдельных ее моментов. А ведь знать их еще не значит осмыслить явление в целом. Знакомство с фактами как таковыми — второстепенно.

Меня довольно часто приглашают сниматься, и я так же часто отказываюсь. В театре я обязан играть, если назначен на роль. В кино же у меня есть право выбора. Поэтому я стараюсь быть разборчивым — хочется сделать что-то новое, попробовать себя в чем-то необычном. Работая над ролью, я прежде всего думаю, чем проблемы, затронутые в ней, заинтересуют и займут зрителя.

Что такое современный актер? Нет, это не человек, играющий в современных пьесах. Если артист не живет общественными проблемами, если он не требует от себя предельной отдачи и искренности в игре — такой актер не может быть современным.

Я люблю показывать людей, которые знают, за что борются, чего хотят, чего добиваются. Но есть две роли, которые мне особенно дороги. Это Егор Трубников и Митя Карамазов. Достоевский — удивительно теат-

ральный и кинематографический писатель. Он взрывает такие пласты психологии, в его образах столько страсти, столько темперамента, что ощущаешь порой свое бессилие: как это показать?

Хочу в заключение сказать еще вот что. Сейчас модно спрашивать у актеров об их хобби (весьма ходовое словечко!), рассказывать об их жизни в домашнем кругу. Лично мне безразлично, кто собирает марки, а кто ездит в выходной день на рыбалку. Мы иронизируем, подчас над зарубежными журналистами за их пристрастие к закулисной жизни актеров, а сами в какой-то степени подражаем им. Ну что за польза читателю узнать, что я люблю кататься на велосипеде или ходить пешком? По-моему, никакой. Я работаю, люблю свою работу, свои роли, свой театр.

Человек меняется вместе со временем, и вкусы его меняются. Неизменным должно оставаться только одно: в меру своих сил и способностей жить в ритме сегодняшней жизни, болеть душой за происходящее вокруг.

Перечитал я интервью, которое дал корреспонденту АПН почти двадцать лет назад, и стало мне грустно и тревожно.

Парадокс или историческая закономерность — уж не знаю, как правильно называть, — в том, что все проблемы, о которых я тогда говорил, остались. К сожалению, ни одна до сих пор не решена. Правда, в 70-м году о них не принято было рассуждать. И что значил мой одинокий голос? Как писал Владимир Маяковский, «голос единицы тоньше писка...». Сейчас общество по-

няло жизненную необходимость перемен, слова «перестройка», «демократизация», «гласность» обрели реальность. Партия обращается к народу, не боясь правды, какой бы тяжелой она ни была. А общество, смело вскрывающее свои недостатки и причины, их породившие, — сильное общество. И это вселяет надежду.

То, что нужны как воздух новые формы демократизации, самоуправления, — это ясно как день. И с этим никто не спорит, во всяком случае, в открытую. Но перестроить-то надо не только экономику, и не только мозги, но и многие изжившие себя структуры, формы организации жизни общества. И это задача куда более сложная, здесь-то и разворачивается борьба за перестройку, за безоговорочное проведение в жизнь начатого курса.

Душа полна надежды, что мы справимся с застойными явлениями, тормозившими нашу жизнь, одолеем их.

Мы сейчас в Театре имени Вахтангова работаем над пьесой Михаила Шатрова «Брестский мир», в которой мне поручена роль В. И. Ленина. В одной из сцен вождь революции говорит: «Нам необходимо самоуправление, самодержавие народа. Но не формальное, когда мы голосуем, а решает и проводит в жизнь далекий от интересов масс чиновник. Дадим людям право решать, и они найдут выход из любой тупиковой ситуации. Запустим цепную реакцию народной инициативы, самодетельности масс — страну через год не узнаем!».

Можно ли что-нибудь добавить к этим словам?